
Гісторыя

Ю.Ю. ЯНКОВСКИЙ

ЭТНОЭКОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В БЕЛАРУСИ

В настоящее время в культурной антропологии и этнологии существуют такие междисциплинарные направления, как «экологическая антропология» в США (объединяет несколько научных школ, среди которых исторически первой была «культурная экология», возникшая в середине 1950-х гг.) и «этническая экология» («этноэкология») в России (развивается с начала 1980-х гг.). Несмотря на некоторые методологические различия (в российской этноэкологии основными единицами анализа являются именно этнические общности, а не любые человеческие группы или популяции; большее разнообразие теоретических подходов в американской экологической антропологии), между этими направлениями много общего, так как они в центр своего внимания ставят изучение взаимоотношений традиционных обществ со средой их обитания и основываются на понимании культуры как адаптивной системы.

Цели данной статьи – проанализировать развитие экологически ориентированных направлений в культурной антропологии и этнологии, обосновать их научную и практическую актуальность, а также кратко охарактеризовать основные задачи этноэкологического рассмотрения традиционной культуры белорусов.

Проблема взаимосвязи человека, общества, культуры с природными условиями их существования издавна привлекала внимание ученых и мыслителей. В древности о влиянии природно-климатических условий на здоровье человека в своем трактате «О воздухах, водах и местностях» писал Гиппократ с острова Кос (V–IV вв. до н. э.). Следующий этап осмысления рассматриваемой проблемы приходится уже на новое время, на эпоху Просвещения. В XVIII в. Ш.Л. Монтескье связывал разнообразие законов и форм правления с особенностями географической среды, а И.Г. Гердер этими же причинами объяснял различия в типах национального характера. Этих мыслителей можно считать основоположниками географического детерминизма, который в XIX в. преобладал в трудах ученых, изучавших взаимоотношения природы и общества (наиболее известные представители данной теоретической позиции – географы Карл Риттер и Элизе Реклю). Вместе с тем некоторые исследователи понимали упрощенность и односторонность геодетерминизма (преувеличение роли природных факторов в развитии общества и культуры) и предлагали более адекватные концепции. Среди них выделялся выдающийся немецкий географ Фридрих Ратцель (1844–1904), создатель антропогеографии – учения о человеке и природной среде, их взаимодействии, значении географических условий для распространения культурных явлений. По мнению немецкого этнолога

Т. Баргацкого, именно к Ратцелю восходит современная культурно-экологическая исследовательская традиция¹.

Вслед за Ратцелем геодетерминизм подвергли критике американские антропологи Франц Боас, Альфред Кребер и Кларк Уисслер, под влиянием которых в первой половине XX в. сформировалась концепция поппозитивизма (от лат. *possibilis* – возможный). Ее суть в том, что природная среда оказывает на образование социокультурных феноменов не активно формирующее, а только ограничивающее влияние. Она предоставляет ряд возможностей для развития стратегий жизнеобеспечения и социальных форм, но не детерминирует их². Одновременно шел процесс теоретического осмысления сущности культуры и ее фундаментальных характеристик, среди которых Джордж Мердок в 1940 г. назвал и адаптивность³.

Все эти концепции и идеи явились теоретическими предпосылками для возникновения в американской культурной антропологии нового научного направления под названием «культурная экология», основоположником которой стал представитель неозволюционизма Джулиан Стюард (1902–1972). Годом рождения культурной экологии принято считать 1955 г., когда вышла его книга «Теория культурных изменений».

Согласно Стюарду, «культурная экология – это изучение процессов адаптации общества к окружающей среде. Ее главной задачей является выяснение того, дают ли эти процессы адаптации начало внутренним социальным изменениям эволюционного характера»⁴. В этом определении содержится указание на то, что культурная экология была частью более широкой теории многолинейной эволюции.

Основными понятиями культурной экологии, с помощью которых Стюард попытался объяснить пространственное и временное многообразие форм культурной адаптации, являются «культурное ядро» и «уровень социокультурной интеграции». Под культурным ядром ученый подразумевал комплекс техно-экономических, социальных и идеологических признаков культуры, наиболее важных для жизнеобеспечения. Среди них главную роль играет «технологический базис». Именно элементы ядра адаптируются к окружающей среде, остальные же элементы культуры, не входящие в ядро, не участвуют в экологической адаптации и придают различным культурам их специфику.

Организация культурного ядра зависит также и от «уровня социокультурной интеграции» (семья, община, племя, государство). Если различные культуры, находящиеся в сходных экологических условиях и на одинаковом уровне социокультурной интеграции, но значительно удаленные географически, демонстрируют различные способы приспособления культурного ядра к среде, это является примером многолинейной эволюции.

Другим крупным неозволюционистом, который внес вклад в развитие экологического направления, является Марвин Харрис (р. 1927), создавший учение «культурного материализма». В отличие от Стюарда, который объединял в понятие культурного ядра явления базиса и надстройки, Харрис, будучи более последовательным материалистом, выдвигал на первый план роль технологического базиса (обусловленного спецификой окружающей среды) как более фундаментальную для выживания и адаптации. Он сформулировал принцип техно-экологического и техно-экономического детерминизма: если в сходных природных условиях для удовлетворения своих потребностей люди применяют аналогичные технологии использования природных ресурсов, это влечет за собой сходство в видах разделения труда и распределения материальных благ⁵.

В 1960-х гг. возникло новое направление, основоположниками которого были Эндрю Вайда и Рой Раппапорт. Методологической базой их «экосистемной антропологии» явилось сочетание функционализма и системного подхода с последовательным применением биоэкологических понятий (эко-

система, популяция и др.). Свою задачу исследователи видели в том, чтобы изучать адаптацию человеческих популяций к их экосистемам. При этом человеческая популяция (основная единица анализа), ее культура и среда обитания рассматривались как основные компоненты экосистемы, а понятие «адаптация» выражало сущность динамического процесса ее функционирования. В регулировании баланса между популяцией и средой обитания активная роль отводилась таким идеальным факторам, как ритуалы, верования и ценности. Эту теоретическую конструкцию Раппапорт применил в полевом исследовании среди племени тсембага на Новой Гвинее, рассматривая ритуал и войну как регуляторы баланса между популяциями людей и свиней, а также их роль в поддержании оптимальной численности населения и предотвращении чрезмерно интенсивного земледелия⁶.

Особым направлением экологической антропологии является также «этноэкология», возникшая в 1960-х гг. как часть более широкого направления «ethnoscience» (в буквальном переводе «этнонаука»), целью которого было изучение систем представлений, знаний об окружающем мире (картины мира), а также процессов познания и логической классификации в традиционных обществах. «Этнонаука» тесно связана с лингвистикой, поскольку основным объектом исследования в данном случае является язык, точнее, его лексика. Таким образом, этноэкология (которую можно подразделить на этноботанику, этнозоологию, этнометеорологию и т. п.) – это изучение аутентичных представлений о природной среде, выраженных в языке и фольклоре. В идеале этноэкологическое исследование должно охватывать экологические знания, верования, ценностные установки и их роль в адаптации и природопользовании данной этнической общности, однако на практике исследователи чаще всего ограничиваются описанием аборигенных классификаций растительного и животного мира или почв. Важно отметить, что эта тема глубоко разрабатывалась не только американскими этноэкологами (Г. Конкпином, Ч. Фрейком, Б. Берлином и др.), но и французскими этнологами Э. Дюркгеймом, М. Моссом, К. Леви-Стросом⁷. Наиболее активно исследования в области экологической антропологии в США велись в 1960–1970-х гг. XX в., после чего в 1980-х гг. наступил некоторый спад. Однако в 1990-х гг. она наряду с символической антропологией вновь стала одним из наиболее актуальных направлений.

Рассмотрение предыстории российской этноэкологии следует начать с С.М. Широкогорова (? – 1939), который был директором Этнографического музея в Санкт-Петербурге, а с 1926 г. жил на Дальнем Востоке (сначала во Владивостоке, затем в Китае). Заслуга этого ученого заключается в том, что он предложил первую целостную концепцию этноса и проанализировал его адаптивные свойства (основные теоретические сочинения С.М. Широгорова: «Этнос...» (Шанхай, 1923), «Этническая единица и окружающая среда...» (1924))⁸.

Следующим этапом в теоретическом осмыслении проблемы взаимоотношений этносов с природной средой была концепция хозяйственно-культурных типов (ХКТ) как экологически и социально-экономически обусловленных явлений, созданная в середине 1950-х гг. М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым⁹. В 1970-х гг. экологические идеи вновь стали проникать в этнографию, что выразилось в понятии антропогеоценоза, предложенном известным антропологом В.П. Алексеевым¹⁰. Под антропогеоценозом он понимал элементарную ячейку ХКТ, особую систему, состоящую из хозяйственного коллектива, эксплуатируемой территории и производственной деятельности, объединенных сложными функциональными связями (информационным полем, пищевыми цепями, энергетическими импульсами). Для становления этноэкологии важное значение имели и работы Л.Н. Гумилева¹¹, в которых обосновывалась концепция этногенеза как процесса, обусловленного природными факторами, а также исследования в области тео-

рии культуры философа Э.С. Маркаряна¹² и этнографа С.А. Арутюнова¹³, которые рассматривали культуру как внебиологическую адаптивную систему.

Таким образом, к началу 1980-х гг. в советской этнографии сложились предпосылки для концептуального оформления этноэкологии, предметную область и основные задачи которой впервые сформулировал В.И. Козлов. Согласно его определению, «этническая экология – научная дисциплина, расположенная на стыке этнографии с экологией человека... Она ставит своей задачей изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом <...> специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем»¹⁴. В становлении этноэкологии важную роль сыграли также исследования И.И. Крупника, который впервые применил методику моделирования этноэкосистем при изучении традиционного природопользования народов Северной Евразии. Ему же принадлежит самое удачное, на мой взгляд, определение этноэкологии как «особого направления этнографии, изучающего формы взаимоотношений этнических общностей с окружающей средой, связанные с освоением этой среды – как материальным, так и духовным – и использованием ее ресурсов»¹⁵. В настоящее время этноэкология признается ведущими российскими этнологами (например, С.А. Арутюновым) одним из наиболее перспективных направлений. Об этом свидетельствует и внимание, уделяемое академической наукой: в Институте этнологии и антропологии РАН уже более 10 лет существует сектор этнической экологии.

Рассмотрим теперь проблему актуальности этноэкологических исследований. Если говорить о научно-теоретическом аспекте актуальности, то он вытекает из междисциплинарного характера этноэкологии. Во-первых, интеграция наук, в том числе естественных и гуманитарных, особенно при решении таких сложных проблем, как социально-природное взаимодействие, является актуальнейшей тенденцией современной науки в широком смысле. Именно на стыке наук сегодня могут быть сделаны самые важные открытия. Во-вторых, этноэкология расширяет традиционный предмет исследования этнологии, обогащает ее понятиями и методами естественных наук (экологии, биологии, физической географии), что позволяет гораздо глубже проникнуть в суть многих явлений традиционной культуры, понять причины их формирования и развития, поставить их рассмотрение на более точную основу. Особенно продуктивными являются такие фундаментальные понятия, как «адаптация» и «экосистема», которые выражают соответственно динамический и структурный аспекты этно-природного взаимодействия.

Однако этноэкология не только открывает новые познавательные возможности, но может иметь и важное практическое значение. В условиях современного экологического кризиса, когда с особой остротой встает вопрос о пересмотре глубоко укоренившихся установок господства над природой и неограниченного использования ее ресурсов, изучение позитивного опыта традиционных обществ в области природопользования может стать одним из источников гармонизации взаимоотношений между постиндустриальным обществом и природной средой. При этом следует ориентироваться на лучшие образцы экологического сознания и поведения, свойственные традиционным обществам, не идеализируя в целом их отношение к природе (оно может быть как экофильным, так и экофобным).

К сожалению, в Беларуси пока не было специальных исследований в области этноэкологии, хотя некоторые авторы рассматривали вопросы, которые по существу являются этноэкологическими (В.С. Титов¹⁶ – экологические аспекты земледелия и расселения, А.И. Локотко¹⁷ – формирование среды обитания человека (и этноса в целом) как единства природного

ландшафта и архитектурных форм, Л.И. Минько¹⁸ и В.А. Василевич¹⁹ – народные экологические знания). Между тем актуальность подобных исследований для белорусской этнологии не вызывает сомнений, поэтому необходимо кратко осветить основные задачи этноэкологического изучения традиционной культуры белорусов.

Как уже отмечалось, при экологическом рассмотрении народной культуры в центре внимания оказывается «культурное ядро», куда входят такие элементы, как орудия труда, хозяйственные знания и навыки, поселения и жилища, пища, одежда; знания о среде обитания (о климате и погоде, растительном и животном мире, почвах) и т. д. В идеале этноэкологическое исследование должно стремиться к целостному описанию и объяснению «культурного ядра» с точки зрения его адаптивных и преобразующих свойств, что позволило бы сделать выводы о том, насколько оптимально данная культура приспособилась к окружающей среде, о ее адаптивной пластичности (способности адекватно реагировать на изменения природных условий, извлекая определенные элементы из резерва культуры или вырабатывая новые), оценить характер природопользования, связанного с традиционным земледельческим хозяйством, с точки зрения экологических последствий для почв. Быстро решить подобную задачу очень трудно: для этого сейчас недостаточно данных.

Следует начать с частных аспектов и постепенно продвигаться к пониманию общей картины традиционной экологической культуры белорусов. Первоначально можно ограничить хронологические рамки XIX – началом XX в. (этот период наиболее полно представлен в этнографических источниках) и сделать предметом исследования народные экологические знания и способы пространственной организации сельских поселений в природном ландшафте. Тем самым будет представлена как духовная, так и материальная культура (культура познания мира и культура жизнеобеспечения).

¹ См.: Bargatzky Th. Kulturokologie // Ethnologie: Einführung und Überblick. Berlin; Hamburg, 1992. S. 388.

² См.: Ibid. S. 389.

³ См.: Мердок Дж. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 53.

⁴ Цит. по: Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 94.

⁵ См.: Bargatzky Th. Kulturokologie... S. 391.

⁶ Rappaport R.A. Pigs for Ancestors. Ritual in the Ecology of a New Guinea People. New Haven, 1968.

⁷ Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996; Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.

⁸ См.: Panoff M., Perrin M. Taschenwoerterbuch der Ethnologie. Berlin, 1982. S. 276–277.

⁹ См.: Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: к постановке вопроса // Советская этнография. 1955. № 4.

¹⁰ См.: Алексеев В.П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 2. С. 20–22.

¹¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994.

¹² Маркарян Э.С. Локальные исторические особенности культуры и процессы экологической адаптации // Вестник АН СССР. 1981. № 1.

¹³ Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР. 1979. № 2.

¹⁴ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 8.

¹⁵ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989. С. 14.

¹⁶ См.: Цітоў В.С. Народная спадчына. Мн., 1994.

¹⁷ См.: Локотко А.И. Белорусское народное зодчество (XIX – середина XX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1993.

¹⁸ Минько Л.і. Народныя веды // Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі. Мн., 1993.

¹⁹ Васілевіч У.А. Народная метэаралогія // Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1989. С. 345–346.

Янковский Юрий Юрьевич – аспирант кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин БГУ. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент П.В. Терешкович.

